

УДК 811.111

Безмельницына С.С.

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск)*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ТЕКСТОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАРОДИЙНОГО ТЕКСТА)

S. Bezmelnicyna

Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseev, Saransk

LANGUAGE PERSONALITY IN THE ASPECT OF TEXT MODALITY (BASED ON MOCK TEXTS)

Аннотация. В статье рассматривается отражение языковой личности в англоязычном пародийном тексте с учетом её уподобления языковой личности автора оригинального текста. Внимание сосредоточено на склонности автора пародии усиливать модальный аспект собственного текста через активное использование модальных слов и выражений. Отмечается, что характер оригинального текста заметным образом влияет на модальность текста-пародии, обнаруживающего, таким образом, стилевую и функциональную детерминированность. Допустимо заявить также об определенной зависимости лексического состава модальных средств текста-пародии от стилевой принадлежности текста-оригинала.

Ключевые слова: языковая личность, текст, текстовая модальность, пародийный текст, текст-оригинал, модальное слово.

Abstract. The article deals with the language personality of mock text as it is coordinated with that of the original text. Special attention is paid to the author's intention to enhance the modality of his own text by means of various modal words and expressions. The author claims that the very nature of the original text influences the modality of the mock text which consequently shows stylistic and functional dependence. It is also possible to state that the mock text is to a large extent conditioned by the stylistic and functional characteristics of the original text with respect to the lexical peculiarities of modal words and expressions.

Key words: language personality, text, text modality, mock text, original text, a modal word.

В современной лингвистике заметно возрос интерес к изучению проблемы языковой личности (далее – ЯЛ). Термин «языковая личность» впервые был введен в 1930 г. русским литературоведом и лингвистом профессором В.В. Виноградовым. Он разработал два пути изучения языковой личности: личность автора и личность персонажа. Начиная с 80-х гг. внимание лингвистов стало привлекать вопрос о роли «человеческого фактора» в языке, что сделало изучение языковой личности особенно актуальным. Несмотря на большое число работ по данной проблеме, многие аспекты языковой личности остаются нераскрытыми. К их числу относится и вопрос о *текстопостроительном* характере языковой личности, в частности в том её проявлении, когда автор (будучи ЯЛ, по Виноградову) при создании собственного текста имитирует языковые особенности другой ЯЛ. Подобная ситуация имеет место в пародийном тексте, который предоставляет самые широкие возможности для актуализации ЯЛ в самых разнообразных проявлениях. Оценивая данное проявление ЯЛ в целом, можно охарактеризовать его как процесс трансформации ЯЛ при текстопостроении.

Настоящая статья рассматривает отражение языковой личности автора-пародиста в аспекте текстовой модальности, когда тот, апеллируя к тем или иным фрагментам оригинального текста, пересказывает их в собственном текстовом построении с различной степенью оценки, усиливающей его юмористическое звучание. В этом смысле следует учесть исследования

Ю.Н. Караулова, который под *языковой личностью* понимает сумму всех способностей и дескрипций человека, влекущих создание и апперцепцию им текстов («речевых произведений»), отличающихся, во-первых, уровнем структурно-языковой сложности, во-вторых, масштабностью и точностью воспроизведения аутентичной действительности и, в-третьих, определенной целевой направленностью [5, 3].

Ю.Н. Карауловым была разработана уровневая модель языковой личности с опорой на художественный текст. Так, в структуре языковой личности он выделяет три уровня: вербально-грамматический, когнитивный и прагматический. В сущности, три названных уровня вполне естественно совмещаются с тремя вышеприведенными характеристиками языковой личности. Каждый из данных уровней состоит из определенных наборов единиц, которые в свою очередь совместно описывают все применяемые единицы, при изучении языка, при этом нестандартно перераспределяя их согласно особенностям приведенных выше уровней.

Рассмотрение ЯЛ в контексте пародийного текста затронет каждый из упомянутых уровней, а также каждую из приведенных выше характеристик ЯЛ. Согласно Ю.Н. Караулову, вербально-грамматический уровень для носителя определенного языка предполагает нормальное владение естественным языком, а для исследователя, в свою очередь, – устоявшееся описание формальных средств воспроизведения детерминированных значений. На данном уровне изучаются слова и их значения. В настоящей статье данный уровень ограничивается сферой выражения модальности. Что касается когнитивного уровня, то Ю.Н. Караулов включает сюда такие единицы, как понятие, идея, концепты, сложившиеся у каждого языкового индивида в систематизированную «картину мира», в состав которой входит также и иерархия ценностей. Более того, данный уровень организации языковой личности и ее оценка включает в себя расширение значения и переход к знаниям, поэтому охватывает интеллектуальную сферу личнос-

ти; таким образом, исследователь приходит к знанию, сознанию и процессам познания человека через язык, процессы говорения и понимания. На данном уровне рассматриваются концепты. В настоящей статье концепты не учитываются, но интеллектуальная сфера ЯЛ автора-пародиста, привлечение им собственных знаний, расширяющих текстовую информацию оригинала должны быть в поле зрения исследователя, рассматривающего пародийный текст. Прагматический уровень, согласно Ю.Н. Караулову, включает цели, установки, интенции говорящего. Отношения между единицами этого уровня зависят от условий сферы общения, специфики коммуникативной ситуации и коммуникативных ролей общающихся. На этом уровне языковая личность сливается с личностью в самом общем, социально-психологическом смысле [5, 53-54]. Как представляется, прагматический уровень в исследовании ЯЛ пародийного текста является самым ёмким и перспективным, так как включает в себя самый широкий спектр текстовых сущностей в их коммуникативном проявлении.

В приложении к пародийному тексту интересно отметить соотношение понятий «текст» и «языковая личность». Как отмечает Т.М. Дридзе, языковая личность неразрывно связана с текстом. В этой взаимосвязи существен следующий момент: если главная идея текста изложена правильно и адекватно замыслу автора (то есть если проекции текстов автора и читателя взаимосвязаны между собой), то только в этом случае языковая личность может правильно изложить текст. В том случае, если реципиент (языковая личность) верно определил основную идею автора при помощи использованных в тексте средств, можно прийти к выводу о том, что он адекватно интерпретировал данный текст [2, 86]. В настоящей статье речь идет о пародийном тексте, и, следовательно, в роли реципиента следует видеть автора пародии, так как именно он изучил текст оригинала более глубоко и интерпретировал его в своем ракурсе. Автор пародии, таким образом, предлагает свое понимание текста оригинала

и показывает читателю иное представление и развязку событий данного произведения. Можно также констатировать, что личность автора имеет непосредственное отношение к тексту, и именно она определяется как особый вид языковой личности [4, 37].

В.Н. Волкова под *текстовой модальностью* понимает «функционально-семантическую категорию», которая показывает отношение автора к произведению. Более того, данное отношение проявляется как в выборе какого-либо взгляда на текст, так и в создании общего оценочно-эмоционального настроения фабулы текста [1, 72]. Таким образом, можно констатировать, что текстовая модальность есть текстовая категория, в которой находит место эмоционально-оценочное отношение автора текста к самому произведению, то есть психологическая позиция автора к излагаемому тексту.

Модальность в тексте может выражаться с помощью модальных глаголов и модальных слов. В рамках данного исследования интересно рассмотреть модальные слова в пародийных текстах, так как именно они выражают субъективное отношение говорящего к высказываемой им мысли. Необходимо отметить, что модальные слова выступают в роли вводных слов и обычно относятся ко всему предложению. Место вводного члена, выраженного модальным словом, в предложении отражается на степени его связанности с содержанием предложения и на яркости выражения модального оттенка.

Модальные слова традиционно делятся на три группы в зависимости от их значения:

1) слова, выражающие утверждение (*certainly, of course, no doubt, indeed, apparently, assuredly, undoubtedly, surely, evidently, naturally, obviously, really, actually, by no means, in fact, in truth*);

2) слова, выражающие предположение (*perhaps, maybe (may be), probably, possibly*);

3) слова, выражающие субъективную оценку содержания высказывания с точки зрения его желательности или нежелательности (*happily-unhappily, luckily-unlikely, fortunately-unfortunately*) [3, 183].

При рассмотрении языковой личности в аспекте текстовой модальности на примере пародийных текстов следует отметить, что модальность оригинального текста отличается от модальности пародийного текста, так как автор пародии оценивает собственное произведение не напрямую, а уже через изображенную другим автором действительность. Анализу были подвергнуты два текста-пародии – “Chimera” Джона Барта и “1066 and all that” У. Селара и Р. Йетмана. В первом тексте пародируется текст «Тысячи и одной ночи», не имеющий авторства. При пародировании автор проявляет виртуозность, мастерство, нацеленное на построение юмористического пародийного текста. Во втором тексте авторы пародируют издававшиеся в Британии учебники истории, которые, с их точки зрения, оставляют большой простор для юмористических комментариев.

Как показывает анализ, автор, пародируя другой текст, оказывается детерминированным этим текстом в той мере, что вынужден соизмерять собственную языковую способность с языковой способностью другого лица. Об этом, в частности, свидетельствует лексический состав модальных слов. Поскольку “1066 and all that” является пародией на текст истории, там можно наблюдать в большем количестве модальные слова, выражающие утверждение. История (как предмет) включает в себя описание событий, исторического процесса, а также объективность описанных фактов, которые позволяют сделать выводы о причинах произошедшего. Так, следует отметить наличие таких модальных слов, как “undoubtedly”, “obviously”, “naturally”, “actually”. Модальные слова “of course” и “really” в тексте встречаются более часто.

Несмотря на точность и несомненность исторических событий, в данном произведении можно встретить и модальные слова, выражающие предположение, здесь их всего три: “perhaps”, “probably” и “may be”. Например:

KING ALFRED was the first Good King, with the exception of Good King Wenceslas, who, though he looked 4th, *really* came first Alfred

ought never to be confused with King Arthur, equally memorable but *probably* non-existent and therefore *perhaps* less important historically (unless he did exist) [7, 17].

В этом фрагменте можно наблюдать использование нескольких средств модальности в одном абзаце. Более того, одно из них является словом, выражающим утверждение, а два других представляют собой слова-предположения. В первом случае автор уверен в достоверности действия, что, не считая короля Вацлава (Wenceslas), король Альфред (Alfred) был первым «хорошим королем». В другом случае автор текста пародии избегает резкой критики исторических личностей, поэтому при помощи модальных слов показывает неуверенность, а затем и неизвестность событий, хотя предполагает, что, вероятно, король Артур не существовал в реальности. Другими словами, при помощи модального слова «*perhaps*» автор делает свой вывод, не подтверждая его никакими фактами.

В тексте “1066 and all that” У. Селара и Р. Йетмана следует отметить одну немаловажную особенность использования данного типа слов: множество модальных слов находится в позиции после оборота “*this was*”, что является проявлением вербально-грамматического уровня. Рассмотрим следующие примеры:

– Henry VII was very good at answering the Irish Question, and made a Law called Poyning’s Law by which the Irish could have a Parliament of their own *This was obviously a very Good Thing* [7, 59].

– The Five Mile Act, which said that no schoolmasters or clergymen were to go within five miles of each other. (*This was, obviously, a Good Thing*) [7, 78].

– *This was a Good Thing really*, but it so enraged the people (who thought that a dog’s life should be more uncomfortable) that they rang all the bells in London [7, 89].

Данные примеры объединены между собой однотипными фразами, содержащими модальное слово-утверждение. Данное предложение состоит из оборота “*This was ...*”, затем модальное слово и дополнение “... a Good

Thing”. Данной конструкцией автор пародии подтверждает несомненность фактов.

В следующем примере мы находим другое проявление модальности, сущность которого – в подтверждении истинности факта одновременно с указанием на возможность и неуверенность в этом событии:

– Two Pretenders who now arose were Lambert Simnel and Perkin Warbeck, and they succeeded in confusing the issue absolutely by being so similar that some historians suggest *they were really* the same person (i. e. the Earl of Warbeck).

Lambert Simnel (the Young Pretender) *was really (probably)* himself, but cleverly pretended to be the Earl of Warbeck. Henry VII therefore ordered him to be led through the streets of London to prove *that he really was*.

Perkin Warbeck (the Older and more confusing Pretender) insisted that he was himself, thus causing complete dissension till Henry VII had him led through the streets of London to prove *that he was really* Lambert Simnel [7, 58].

В данном фрагменте авторы пародии при описании исторических личностей намеренно заводят читателя в тупик. Возможно, пародист делает акцент на запутанности фактов событий в реальности, тем самым он придает тексту юмористическую направленность, что характерно для текста-пародии. Исторические факты свидетельствуют, что о личностях этих двух людей ничего не известно. Их объединяло то, что они оба выдавали себя сначала за Ричарда, затем герцога Йоркского и, наконец, за сына короля Эдварда IV. Если обратить внимание на второй абзац, то можно пронаблюдать интересное явление. Автор пародии использует два совершенно противоположных по своему значению модальных слова. Как известно, значение слова “*really*” – утверждение, истинность, в то время как данное после него в скобках слово “*probably*” означает предположение.

Что касается лексического состава модальных слов в пародийном тексте “Chimera” Джона Барта, то здесь в большом количестве встречаются модальные слова, выражающие предположение: “*perhaps*” и “*maybe*”, что сви-

детельствует о неуверенности автора пародии в правдивости действительности. Также встречаются такие слова, как: “of course”, “no doubt”, “indeed”, “apparently”, “by no means” и т. д. Рассмотрим примеры:

- ‘Perhaps she has a younger sister [6, 52];
- *Maybe* we’ll call ourselves The Breastless Ones [6, 50].

Из примеров видно, что модальное слово находится в начале предложения, поэтому оттенок, передаваемый этим словом, выражен наиболее ярко. При помощи данного вводного слова автор передает свою гипотезу, а не точность факта.

Немаловажной особенностью данного текста является диалог. В свою очередь, модальные слова могут функционировать как слова-предложения, сходные со словами утверждения и отрицания “yes” и “no”. Например:

- “Are you really impotent?” – “Of course not” [6, 287];
- Polyidus had doubtless turned into some document or other, as was his recent tendency – *perhaps* that copy of the Pattern which he’d promised to send me. – “Perhaps” [6, 178].

Из приведенных выше примеров видно, что модальное слово выступает в роли предложения. В первом примере автор пародии при помощи модального слова-утверждения отвечает на вопрос (он не сомневается в правдивости ответа). Во втором случае один из героев, объясняясь с другим, не будучи уверен в правдивости действия, использует в своем ответе модальное слово-предположение. При этом другой собеседник соглашается с ним и в своей реплике употребляет то же модальное слово (уже в роли предложения) – “perhaps”.

Интересно рассмотреть следующие похожие друг на друга примеры, которые являются параллельными конструкциями:

- To what name Would he send it? He paused again. *Bellerophon, of course*. Is this a test? We parted uncertainly in the dark [6, 167].
- Bellerophon: Perscid may be your model; I have none any longer. That’s one for you. My first is the last I asked before you changed format: when Zeus called me your son, whom did he take me for?

P.: *Bellerophon, of course*. Who else? N. Q. When you swatted me with the Pattern, you fulfilled the prophecy first laid on me as I humped your mother in the surf: that I would die by my son’s hand unless he agreed to take my place, et cetera [6, 301].

Выражение “*Bellerophon, of course*” повторяется в тексте дважды. Как в первом, так и во втором примере можно наблюдать наличие вопроса перед фразой; таким образом, данное выражение является своего рода ответом на риторический вопрос. Именно модальное слово-утверждение “*of course*” указывает на вопрос, ответ на который не требуется или не ожидается в силу его крайней очевидности.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит заметить, что лексический состав модальных слов в “Chimera” Джона Барта и “1066 and all that” У. Селара и Р. Йетмана функционально различен. В первом тексте в большом количестве можно встретить такие модальные слова, как “perhaps” и “maybe”, что свидетельствует о нерешительности автора прямо утверждать что-либо при описании каких-либо событий. Что касается другого текста-пародии, то здесь автор не должен сомневаться в истинности фактов, так как он описывает исторические события. Поэтому в данном тексте в большем количестве встречаются слова-утверждения “of course” и “really”. Говоря о различиях двух текстов, нельзя не отметить наличие диалогов в первом и их отсутствие во втором тексте-пародии. Это приводит к тому, что у Дж. Барта встречаются модальные слова-предложения, которых не наблюдается в пародии “1066 and all that” У. Селара и Р. Йетмана, так как в данном типе текста отсутствуют диалоги. С другой стороны, нельзя не отметить и сходства этих двух произведений в использовании средств модальности. Большинство модальных слов, выражающих утверждение, указывают на подтверждение и дополнение уже известных фактов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волкова Н.А. Первичность-вторичность текста как фактор, обуславливающий реализацию семантики текстовой модальности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. СПб., 2007. № 15. С. 71-75.

2. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоцпсихологии. М.: Наука, 1984. 227 с.
3. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 351 с.
4. Калачина Л.В. Маска как составляющая языковой личности писателя // Русская литература в формировании современной языковой личности. Современная языковая личность: проблемы и функционирование. Т. 2. СПб., 2007. С. 37-39.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Barth J. Chimera. New York: Random House, 1972. 309 p.
7. Yeatman R.J., Sellar W.C. 1066 and all that: A memorable History of England, comprising all the parts you can remember, including 103 Good Things, 5 Bad Kings and 2 Genuine Dates. London, 1930. 125 p.

УДК 81'33

Дубовицкая Л.В.

Московский государственный областной университет

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

L. Dubovitskaya

Moscow State Regional University

TRANSCULTURAL INTERTEXTUALITY IN CREOLIZED TEXTS OF WRITTEN COMMUNICATION

Аннотация. Предметом статьи является проявление транскультурной интертекстуальности как особого типа межтекстовых связей в креолизованных текстах письменной коммуникации. Изучению подвергаются культурные коннотации и средства их передачи как в вербальном, так и в иконическом компонентах креолизованного текста. Автор опирается на последние исследования в области функционирования креолизованных текстов в интра- и интеркультурных средах и указывает на недостаточную степень разработанности данного вопроса, несмотря на бесспорный интерес со стороны ученых. Предпринимается попытка дать определение транскультурной интертекстуальности и описать ее функционирование в рамках креолизованных текстов.

Ключевые слова: интертекстуальность, транскультурная интертекстуальность, креолизованный текст, вербальный компонент, иконический компонент, теория текста, лингвосомиотический подход.

Abstract. The subject of the article is the functioning of transcultural intertextuality as a special type of intertextual connections in creolized texts of written communication. Study of cultural connotations and the means of their conveyance is carried out in both verbal and iconic components. The author relies on facts from the latest research on the functioning of creolized texts in intra- and intercultural surroundings and points out lack of in-depth research in spite of great interest from scientists. The author attempts to define transcultural intertextuality, and describe its functioning in creolized texts.

Key words: intertextuality, transcultural intertextuality, creolized text, verbal component, iconic component, text theory, linguosemiotic approach.